

◆ Николай Свечин ◆

Николай Свечин

Тифлис 1904

*Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова
и его друзей*

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Иллюстрации в тексте и на переплете
Екатерины Асадчевой

Свечин, Николай.

С24 Тифлис 1904 / Николай Свечин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-699-98960-7

Полиция давно подозревала, что где-то на окраине империи существует особое преступное предприятие, помогающее бандам отмывать меченые деньги и ценные бумаги. «Большая постирочная» — так называли его сыщики. Как только у Департамента полиции появилась ниточка, ведущая в Тифлис, Лыков выехал на Кавказ проводить дознание... На месте выяснилось, что услугами Тифлисского казначейства по отмывке краденых денег пользовались мошенники, бандиты и террористы со всей страны. Расследование столичного гостя пришлось не по нраву главам «постирочной». Едва Лыков приступил к дознанию, как один за другим начали погибать важные свидетели. Кто-то явно уводил сыщика с верного пути... и вел напрямиком к смерти.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., текст, 2017

© Асадчева Е., иллюстрации, 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98960-7

*Автор благодарит Б. В. П-ва,
скрывающегося под ником term100,
за дружескую помощь
в написании этой книги.*

ГЛАВА 1

«Большая постирочная»

28 апреля 1904 года русский посланник в Берне Жадовский шел из гостиницы, где проживал, на службу в миссию. К нему приблизился странно одетый человек. Не говоря ни слова, он вынул револьвер и выстрелил дипломату в голову. Жадовский упал, а неизвестный остался стоять рядом. И сдался подбежавшему полицейскому без сопротивления.

Неслыханное происшествие всполошило не только тихий, всегда сонный Берн, но и Петербург. Покушение на посланника! Не иначе, террористы из Боевой организации партии эсеров. Уже начали охотиться на царевых дипломатов, негодяи. Министр внутренних дел Плеве срочно командировал в столицу Швейцарии своего лучшего сыщика, коллежского советника Лыкова, велел в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Алексей Николаевич давно не проводил столь легко дознания. Когда он прибыл в Берн, местная полиция оказала ему полное содействие. Швейцарские власти чувствовали неловкость. Посланник — особа сакральная, по-

чти священная, поскольку представляет своего монарха. Его полагается оберегать. Но от нападения сумасшедшего никто не застрахован, а тут как раз был такой случай. На Жадовского покушался психический, заявили в полиции. И предъявили русскому коллеге этого террориста.

Лыков допросил его и убедился, что так оно и есть. Арестант назвался турецким подданным, а в прошлом русским офицером по фамилии Ильицкий. Поляк! Эти господа и во сне грезят о независимости. Но Ильицкий оказался обычным душевнобольным. Психиатры называют это ранней деменцией♦. Бывший помещик надеялся на долги, и его имение отобрали в казну. Он судился, проиграл процесс, уехал в Швейцарию и принялся в газетах обличать несправедливости на своей бывшей родине. Заодно сменил подданство. Странно, что окружающие не замечали его невменяемости. А пресса охотно предоставляла поляку возможность обливать Россию грязью. Но болезнь прогрессировала, и отставной поручик решил мстить.

К счастью для дипломата, револьвер у поляка оказался дрянной. Пуля попала в голову, но не пробил даже височной кости. Обливаясь кровью, Жадовский сам дошел до отеля «Берншоф» и уже там потерял сознание. Теперь он поправляется, ранение было неопасным. А душевнобольного стрелка ждала не тюрьма, а психиатрическая лечебница.

Лыков быстро разобрался в происшествии, отбил телеграмму Плеве и попросил разрешения вернуться. Получил согласие и через двое суток уже оказался в своем кабинете на Фонтанке, 16. Здесь его помощник губернский секретарь Азвестопуло сообщил важную новость.

♦ Ранняя деменция — так до 1908 года называли шизофрению. (Здесь и далее примеч. автора.)

Сергей Манолович появился в Департаменте полиции лишь в марте этого года. Лыков присмотрел его себе в Одессе. Коллежскому советнику давно требовался помощник. В службе ведомства лет десять как произошел перекося. Уголовным сыском занимались два три человека, а прочие силы были брошены на борьбу с политическими противниками. Между тем уголовная преступность в стране нарастала, как снежный ком. В Польше, Забайкалье, Одессе и на Кавказе творилось черт-те что. А Ростов-на-Дону! Там сложился новый экономический район, собралось много пришлого элемента — и в итоге власть получила еще одну клоаку. Даже традиционно тихие города средней полосы показывали рост уголовных преступлений — особенно бандитизма и других покушений на личность.

В Одессе Лыков и познакомился с Азвестопуло. Тот служил надзирателем сыскного отделения и помогал командированному дознавать диковинное преступление. Некий Бухало, служащий Бессарабской земской управы, сдал на одесский почтамт денежный пакет. Стоимость отправления он назначил приличную — 30 050 рублей. Адрес получателя — Берлин. Земец получил квитанцию и уехал. А пакет через час взорвался в руках у почтового чиновника и нанес ему тяжелое ранение. В посылке оказался пироксилин. Бухало надеялся, что взрыв произойдет в почтовом вагоне и тогда ему выплатят обозначенную на отправлении сумму. Но горе-бомбист не рассчитал время и теперь сидел на каторге.

В ходе дознания Азвестопуло произвел хорошее впечатление на Лыкова, и тот переманил его в столицу. Губернский секретарь разгрузил коллежского советника

от рутины, но помогал и в важных делах. Он напоминал Лыкову его самого в молодости, поскольку ничего не боялся. Но были и отличия: Азвестопуло быстро обучался, намного быстрее, чем его нынешний начальник. Еще Сергей был очень артистичен. Он мог сыграть кого угодно: фартового, аристократа, человека из простонародья... Лыков в своих похождениях тоже менял личину, но изображал лишь собственный типаж, иначе беда!

Сейчас старый и молодой сыщики пытались раскрыть крупное дело. Полицейские давно подозревали, что где-то на необъятных просторах империи существует необычное преступное предприятие. Они назвали его «большая постирочная». Банковские громилы присваивали значительные суммы в наличных деньгах или доходных бумагах. Воры обчищали богатые квартиры. Революционеры проводили свои экссы. Во многих случаях добыча оказывалась опасной для ее обладателей. Номера крупных банкнотов или серий♦ были записаны, и потерпевшие сообщали их в полицию. И при попытке обернуть купон или разменять билет преступники попались бы. Возникла необходимость «отстирать» меченые средства, заменить их обычными деньгами. И кто-то очень ловко проделывал эту операцию.

♦ *Серия* — облигация и другая доходная ценная бумага, которая имела отрезной купон для получения процентов.

Так, в сентябре 1903 года, пятеро разбойников напали на почтовый вагон близ станции Ново-Сенаки Потитифлисской железной дороги. Они связали почтальона и сопровождающего чиновника и завладели денежной посылкой. В ней находилось 102 000 рублей, и номера купюр были частично переписаны. Но ни один преступник не попался. Банковские билеты были потом обнаружены в казначействах Астрахани, Баку и Ташкента, при-

чем попали они туда законным образом, через третьи руки, и никак не выводили на след бандитов. Похожие истории случались не раз. Грабители подломили кассу Товарищества Рябовской мануфактуры и украли 60 000 в доходных бумагах. Кассир предъявил полную опись бумаг — а потом их отыскиали. Дирекция Мурманской железной дороги оплатила ими квартирный налог для своих служащих! Сама она получила меченые серии от подрядчиков, а те — в своих банках.

Полиции стало очевидно, что в деле замешаны лица из финансового ведомства. Без содействия казначейства, а может, и не одного, подобные аферы невозможны. Банковские конторы тоже были на подозрении, но лишь как пособники жуликоватых чиновников. Ведь именно в казначействах деньги смешиваются и обезличиваются. Сунь ворованный банкнот в пачку обычных и отошли в другой город. Там пачку разобьют, и после двух-трех операций билет вручат в виде пенсии отставному капитану. Ищи после этого, кто и где первым вбросил украденное.

Лыков с Азвестопуло головы сломали, придумывая, как им подловить «большую постирочную». Ясно было, что она где-то на окраине, где слабее надзор и где вокруг идет оживленная торговля с большими оборотами. Это или Кавказ, или Туркестан. Ревизоры Коковцова провели негласную выборочную проверку, но ничего не обнаружили. В Министерстве финансов до сих пор не все было в порядке — может, поэтому? С тех пор, как выгнали Витте, настоящий хозяин не появился. Плеске, что сменил Сергея Юльевича, вскоре заболел и от дел отошел. Полуживого, его перевели в Государственный

♦ *Товарищ министра* — заместитель.

♦♦ *Орел* — прозвище В. К. Плева среди подчиненных.

совет умирать. Новым министром стал Владимир Николаевич Коковцов. Добрый приятель Плева, он был у него раньше товарищем♦, когда Вячеслав Константинович служил государственным секретарем. Два министра работали слаженно, и МВД впервые удостоилось добавочного финансирования, чего раньше, во времена вражды между Витте и Плева, и представить было невозможно. Но Коковцов получил пост лишь два месяца назад и еще не вполне овладел ситуацией. Его подчиненные были плохими помощниками сыщикам. За день до отъезда Лыкова в Берн Владимир Николаевич приезжал к Плева и просил усилить работу по обнаружению мошенников. Орел♦♦ обещал. Он уже дал коллежскому советнику разгон за медленное дознание. Алексей Николаевич чувствовал, что скоро ему предстоит трудная командировка. Но только куда — на Кавказ или в Туркестан?

И вот теперь Сергей выяснил важный факт. Он встретил шефа подначкой:

— Пока вы там, Алексей Николаич, швейцарское пиво потребляли ведрами, мы тут без дела не сидели.

— Ну-ка, чего ты узнал, пока я пьянствовал?

— Как только вы уехали, нашли в Петербурге труп.

— Где и чей?

— На Пороховском шоссе, — пояснил губернский секретарь. — У ручья, напротив казарм Четвертого мортирного артиллерийского парка. А чей — это самое интересное. Покойником оказался Степка Фокин по кличке Латунный.

— Это важнейший на Выборгской стороне домушник? — уточнил Лыков.

— Он, стервец.

— И как погиб Степан Михалыч?

— От удара ножом в печень. Профессионально.

— Свои порешили? — предположил коллежский советник. — Скрыл добычу? Латунный известен своей нечестностью, его и били уже за это не раз.

— Весьма вероятно, — кивнул Азвестопуло. — Но нам интересно другое. Убийцы отобрали у Степки все вещи — даже сапоги стащили. А вот потайного кармана на кальсонах не заметили. И когда люди из сыскной полиции обыскивали покойника, то обнаружили там почтовую квитанцию: за день до смерти Латунный отослал денежный пакет на сумму три тысячи рублей. Адрес получателя — Тифлис, почтамт, штабс-капитану Багдасарову.

— Для чего ты мне это рассказываешь? — скривился Лыков. — Почистил кого-то Латунный. Обманул товарищей, и его за это зарезали. Рядовое происшествие.

— А вот и нет! — воскликнул Сергей. — Не рядовое. Потому что сыскные успели перехватить тот пакет. И когда вскрыли его, сразу передали дело сюда, в департамент.

Алексей Николаевич насторожился, ожидая продолжения. И подчиненный не замедлил сообщить:

— Там лежали купоны государственной четырехпроцентной ренты, украденные у вдовы купца Рогова. На одном из купонов сделан карандашом расчет. Латунный хотел бумаги в деньги обернуть. Из пятнадцати процентов, как вы и предполагали.

— Точно?

— Точно. Степка собирался уступить добычу с лажем♦. Вот, глядите!

♦ Лаж — в данном случае скидка для покупателя.

Последнюю фразу сыщик чуть не выкрикнул. Он картинно извлек облигацию и шлепнул ею об стол.

— Любишь ты театральные эффекты... — пробормотал Лыков. Схватил бумагу и стал разбирать написанные цифры.

— Да, пятнадцать процентов... А получатель, говоришь, в Тифлисе? Багдасаров? Выяснили, кто такой?

— Выяснили... пока вы пиво пили. Во всей империи есть только один штабс-капитан Багдасаров, и служит он на Кавказе. А именно в Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе. Стоит дивизион в селении Гомборы. Полдня езды от Тифлиса.

— Значит, Кавказ?

— Кавказ, Алексей Николаевич. Вы и здесь оказались правы.

Два сыщика немного успокоились и начали обсуждать новость.

— Думаешь, Багдасаров — посредник? Клиентов собирает для «постирочной»?

— Допускаю, Алексей Николаевич. Фамилия армянская, переделанная из Багдасаряна. Военное министерство с характеристикой штабса пока тянет. Но национальность настораживает.

Лыков пожал плечами:

— А что армяне? Все жулики, что ли? Торговая нация, это правда. Любят деньги? А кто их не любит?

— Но не просто же так в кармане убитого вора оказалась бумага с расчетами и фамилией штабс-капитана! — возмутился губернский секретарь. — Пятнадцать процентов, типичный лаж за обмен меченых купонов. Значит, Багдасаров — посредник. Вполне правдоподобно. Пять-

семь таких людей, на которых никто и не подумает, собирают по России заказы на «отстирку» денег. И отвозят в главную квартиру. Офицер, артиллерист. И поди ж ты, имя его у главного выборгского домушника записано!

— Надо мне ехать в Тифлис, трясти этого артиллериста, — вздохнул Лыков. — Черт, как весна, так командировки... Опять охота накрылась. — Потом посмотрел на подчиненного с надеждой: — А может, успею облегчить дело и вернуться? У нас там на Ветлуге снег поздно сходит.

Сергей Манолович ехидно ухмыльнулся:

— Тоже мне Тургенев-Аксаков. Записки ружейного охотника с Фонтанки... Идите к министру, он о вас уже спрашивал. Где, мол, там мой лучший сыщик?

Плеве встретил коллежского советника радушно. Он любил Лыкова за надежность. Профессионалы есть, а вот верных людей не осталось. Год назад противники Орла пытались подкупить Лыкова, да не на того напали♦. С тех пор Вячеслав Константинович, и раньше уважавший Алексея Николаевича, стал особенно ему доверять. В итоге сыщику доставались такие поручения, о которых никому нельзя было рассказывать. Количество сильных противников множилось. «Что же со мной будет, когда Плеве убьют, — иногда думал Лыков, — ведь в порошок сотрут на радостях... Но коль попала собака в колесо — визжи, а бежи».

Министр выслушал рапорт о дознании в Берне и остался доволен:

— Очень хорошо. Хотя бы здесь нет политической подкладки, и преступник — просто сумасшедший. Так и доложу Его Величеству. У вас все?

♦ См. книгу «Лучи смерти».